

Лес был залит кровью. Повсюду валялись разорванные куски плоти и изуродованные трупы. Те, кому посчастливилось остаться в живых, лежали на земле с распоротыми животами, содрогаясь в конвульсиях и не в силах издать ни звука.

Лань Чжуй, пылая яростью, выхватил саблю и указал ею в сторону темноты:

— Выходи!

В этот миг из тени медленно вышел высокий, крепкий мужчина. Его одежда пропиталась кровью настолько, что лица было не разглядеть. Он издал хриплый, похожий на звериный рык смешок:

— Я — Ту Цинь, один из четырех старейшин Культа Линъинь, прозванный Потрошителем!

Лань Чжуй уже занес саблю для удара, как вдруг из-за спины Ту Циня выскочила еще одна фигура. Этот человек был ростом с трехлетнего ребенка, но с лицом глубокого старика. Его голос прозвучал остро и неприятно:

— Железная ладонь Ван Куй!

Чжан Мухуай тут же вспомнил трех учеников Удана с вырванными сердцами и их главу, растерзанного словно диким зверем. Не было сомнений — это дело рук этих двоих. Холодный пот градом покатился по лбу Чжан Мухуая, и он еще крепче прижал к груди деревянную шкатулку.

Лань Чжуй взмыл в воздух, бросаясь на врагов, а следом за ним в бой вступили полтора десятка охранников.

В этот момент с неба обрушилось несколько темных силуэтов, плотным кольцом окруживших Чжан Мухуая.

Лань Чжуй встревожился и хотел было прийти на помощь, но Ту Цинь намертво вцепился в него. Этот массивный противник, превосходящий Лань Чжуя в габаритах вдвое, не использовал оружия, но обладал колоссальной внутренней энергией. Удары его ладоней со свистом рассекали воздух, проходя в дюйме от лица Лань Чжуя. Хотя Ту Циню не удалось нанести ни одного прямого удара, сам поток воздуха от его атак оставлял на теле Лань Чжуя глубокие порезы.

Охранники явно не могли тягаться с Ван Куем. Всего через несколько обменов ударами тот с легкостью вырвал сердца у четверых из них, и лес наполнился предсмертными криками.

Ван Куй продолжал хрипло смеяться, его маленькое, юркое тельце металось среди охранников. Люди рассвирепели, их глаза налились кровью, они принялись неистово рубить направо и налево, но в суматохе Ван Куй ловко запрыгнул на одного из них, и охранник, не заметив этого, нанес сокрушительный удар собственному товарищу.

Фан Юньсюань, скрыто собрав внутреннюю энергию, мощным ударом ладони отбросил темные силуэты на десять метров, а затем обернулся и толкнул оцепеневавшего от страха Чжан Мухуая:

— Беги!

Чжан Мухуай пришел в себя и, волоча ослабевшие ноги, спотыкаясь, бросился прочь из леса.

Несколько человек в черном, явно обученные действовать слаженно, тут же бросились в погоню. Фан Юньсюань одним движением преградил им путь. Цзютянь Фэнью покинул ножны; клинок, алый, словно пламя, был украшен искусной гравировкой парящего феникса. Фан Юньсюань взмахнул мечом, и поток ци, подобный ветру, пронесся по лесу. Ближайший враг даже не успел вскрикнуть, как его тело было рассечено надвое.

Переглянувшись, нападавшие поняли, что им не одолеть противника, бросили дымовую шашку и скрылись в ночи.

Фан Юньсюань не успел среагировать и закашлялся от едкого дыма, как вдруг почувствовал нестерпимую боль в правом плече и вскрикнул от неожиданности.

Оказалось, что Ван Куй, расправившись с последним охранником, заметил, как Фан Юньсюань зажмурился от дыма. В порыве возбуждения он бросился в атаку, и, хотя Фан Юньсюань в этот момент поднял руку, чтобы разогнать дым, Ван Куй попал точно в цель. Его железная ладонь пробила мышцы и вонзилась прямо в кость.

Услышав крик, Лань Чжуй тут же обернулся. Ту Цинь, которому Фан Юньсюань успел отрубить обе руки, всё еще цеплялся за него, не давая отступить. Отвлекаясь на крик, Лань Чжуй позволил Ту Циню сблизиться и крепко обхватить себя.

Раздался чавкающий звук — рука Ван Куя вырвалась из плеча Фан Юньсюаня. Кровь хлынула фонтаном. Юньсюань снова вскрикнул и едва не потерял сознание.

Ван Куй, раздосадованный промахом, обнаружил, что Фан Юньсюань лишился сил даже для сопротивления, и в восторге снова занес ладонь для удара.

Лань Чжуй пришел в ужас, в груди закололо от пронзительной боли, дыхание перехватило. С яростным рыком он рванулся вперед, и человек, которого он сжимал, содрогнулся — Ту Цинь был разорван на части.

В следующий миг Цзютянь Фэнью пронзил тело Ван Куя. Фан Юньсюань, тяжело дыша, выдернул меч — ни единой капли крови не осталось на клинке.

— Юньсюань! — Лань Чжуй бросился к нему, терзаемый чувством вины. Он быстро нажал несколько точек на теле раненого, чтобы остановить кровотечение.

— Скорее... Чжан Мухуай!

— Ты... — Лань Чжуй пребывал в нерешительности; никогда еще он не был так растерян.

— Со мной всё в порядке... иди за ним! — лицо Юньсюаня было мертвенно-бледным, а от нестерпимой боли в плече сознание начинало мутиться.

Лань Чжуй крепко сжал его холодную руку и, наконец, стиснув зубы, произнес:

— Я скоро вернусь!

Как только силуэт Лань Чжуй растворился в темноте, с дерева прыгнула фигура в алом. Незнакомец поднял меч и со всей яростью нанес несколько ударов по труп Ван Куя, выкрикивая:

— Тварь! Мерзкая тварь!

Фан Юньсюань терпел боль, с улыбкой наблюдая за тем, как человек дает волю гневу. В его взгляде читалась нежность, какой, пожалуй, не видел даже Фан Мэн.

Наконец человек успокоился, бросил меч на землю и поспешил к Юньсюаню. Юноша в алых одеждах, с серебряной флейтой на поясе, чье ослепительно прекрасное лицо было искажено тревогой, был не кем иным, как левым стражем Культа Линьинь — Гун Цюйчэнем.

— Очень больно? — он с бесконечной жалостью прижал Фан Юньсюаня к себе и попытался достать из-за пазухи лекарство.

— Нет, — Юньсюань покачал головой. — Вещь у тебя?

Гун Цюйчэнь закусил губу, отказавшись от идеи наложить повязку прямо сейчас, и раскрыл ладонь, на которой лежала черная пилюля размером с виноградину. Фан Юньсюань удовлетворенно улыбнулся и позволил накормить себя.

Ради этой маленькой пилюли тридцать с лишним человек расстались с жизнью.

— Уходи, он скоро вернется, — поторопил Юньсюань.

Гун Цюйчэнь поднялся, нехотя и неохотно, и уже собрался уходить, как Юньсюань окликнул его:

— Цюйчэнь...

— М? — он обернулся, глядя на него с надеждой.

Фан Юньсюань с усилием приподнял правое плечо и слабо улыбнулся:

— Теперь ты меня простишь?

— Ты... ты сделал это нарочно?

Взгляд Фан Юньсюаня был полон нежности:

— Хороший мальчик, уходи скорее.

На лице того наконец промелькнула улыбка, и он исчез, словно тень.

Едва Гун Цюйчэнь скрылся, вернулся Лань Чжуй. По его мрачному лицу Юньсюань сразу понял всё. Лань Чжуй покачал головой:

— Чжан Мухуаю свернули шею. Шкатулка на месте, но содержимое украдено. — Говоря это, он опустил на корточки, чтобы перевязать рану Юньсюаня.

— Как мы объясним это Князю Чулину?

— Завтра доберемся до Цзиньлина и там расскажем всё как есть, — ответил Лань Чжуй. Он поднял Юньсюаня и крепко прижал к себе, стараясь не задеть рану. — Думаю, в лесу найдется пещера, где можно укрыться от ветра. Надеюсь, что если люди из Культа Линьинь получили добычу, то больше не придут.

В глубине леса действительно нашлась небольшая пещера. Лань Чжуй набросал соломы, чтобы Юньсюаню не пришлось спать на холодном камне, и собрал веток, чтобы развести огонь.

Огонь осветил выступившие на лице Фан Юньсюаня капли пота. Он хмурился, закусив губу.

Лань Чжуй коснулся его горячего лба и нахмурился:

— Юньсюань, ты как?

Фан Юньсюань был в бреду и, потеряв сознание, бессильно повалился на него. Лань Чжуй тяжело вздохнул и прижал его к груди.

Дыхание человека в его руках было сбивчивым. Из окровавленных губ доносились невнятные слова:

— Огонь... такой сильный огонь... отец... мама...

Лань Чжуй молчал, лишь крепче обнимая его.

Провозившись полночи, Лань Чжуй окончательно промок от пота и крови, прежде чем Фан Юньсюань наконец успокоился и погрузился в глубокий сон. Лань Чжуй прислонился к каменной стене; несмотря на усталость, сна не было. Ему оставалось лишь внимательно рассматривать лицо человека в своих объятиях.

У Фан Юньсюаня были густые брови, яркие глаза и решительный вид — на первый взгляд он казался почти чужеземцем. Лань Чжуй невольно коснулся его тонких губ:

— Говорят, тонкие губы — признак черствого сердца...

Солнце взошло на востоке. Фан Юньсюань медленно открыл глаза в крепких объятиях Лань Чжуя и первым, что увидел, был другой взор — насмешливый и теплый.

— Как ты?

Фан Юньсюань на мгновение смутился:

— Голова тяжелая.

— У тебя всю ночь был жар. К счастью, ты не умер у меня на руках.

Юньсюань одарил его сердитым взглядом и попытался встать, но ноги подкосились, и он снова рухнул на Лань Чжуя. Движение отозвалось болью в ране, и он поморщился.

Лань Чжуй просто подхватил его на руки и вынес из пещеры:

— Доберемся до Цзиньлина — найдем лекаря, чтобы он как следует тебя перевязал. А сейчас у нас даже крошки хлеба нет, придется тебе голодать.

Выйдя из пещеры, Лань Чжуй свистнул, и вскоре из лесной чащи донесся топот копыт — к ним примчался черный как смоль конь.

Лань Чжуй помог Фан Юньсюаню сесть в седло, а затем сам сел позади, притягивая его к себе, чтобы тот не упал от слабости. Он обвил рукой его талию, и они тронулись в путь.

Юньсюань позволил ему проявлять такую «нескромность». В конце концов, оба они мужчины, а если бы это была женщина, то не пришлось бы им теперь так тесно прижиматься друг к другу, словно будущим супругам?

Через полдня бешеной скачки они добрались до Цзиньлина.

Князь Чулин был дядей Лань Чжуй по отцовской линии. Перешагнув пятидесятилетний рубеж, он наслаждался спокойной старостью в Цзиньлине.

Стражники, увидев тринадцатого князя с окровавленной одеждой и мужчиной без сознания на руках, в испуге бросились докладывать.

— Чжуй-эр, что случилось? — Князь Чулин лично вышел встречать их.

Лань Чжуй не мог поклониться, не выпуская из рук Юньсюаня, поэтому просто кивнул:

— Дядюшка, скорее позовите врача!

Их проводили в поместье, вызвали лекаря для обработки ран, и к тому моменту, как всё закончилось, прошел уже час. Лань Чжуй сидел рядом с полулежащим на кушетке Юньсюанем и только собрался рассказать Князю о случившемся, как вдруг желудок Фан Юньсюаня громко заурчал.

Звук был настолько четким, что его услышали все. Юньсюань, никогда прежде не оказывавшийся в столь неловком положении, почувствовал, как лицо вспыхнуло огнем.

Лань Чжуй обернулся и увидел, как тот сидит, опустив голову, с пылающими щеками. В сердце Лань Чжуй вспыхнула такая жалость, что улыбка его стала невольно нежной:

— Это моя вина, я забыл, что ты сутки ничего не ел.

Князь Чулин велел слугам принести еду. Лишь насытившись, они смогли поведать о ночных событиях. Выслушав их, Князь Чулин пришел в ярость и с силой ударил по столу.

Лань Чжуй знал, что его дядя человек спокойный, и если тот так разгневался, значит, сокровище в шкатулке было необычайным.

— Смею спросить, дядюшка, что было в шкатулке?

Князь Чулин вздохнул:

— Десять лет назад я заказал одному алхимику изготовить пилюлю. Она была создана из десятков редчайших трав, которые сейчас, боюсь, уже не найти.

— Десять лет на изготовление? Неужели это эликсир бессмертия? — намеренно спросил Юньсюань.

— Хо-хо, где уж там, — Князь погладил седую бороду. — Я с юности увлекался боевыми искусствами. Один мастер сказал мне, что, приняв эту пилюлю, можно прибавить себе десять лет внутренней энергии.

Фан Юньсюань про себя усмехнулся: Ты уже одной ногой в могиле, не расточительство ли принимать такую пилюлю? Хорошо, что я съел ее за тебя.

— Эх, да ладно... Старик я уже... Боюсь лишь того, что она попала в руки демонического культа и теперь они станут сильнее.

Лань Чжуй виновато опустил голову:

— Вيني меня, я проявил самонадеянность.

— Отдыхайте здесь несколько дней, пусть молодой человек подлечится, — Князь Чулин поднялся. — Я пошлю людей в Крепость семьи Фан, чтобы сообщить его наставнику, что он в безопасности.

Проводив взглядом Князя, Лань Чжуй повалился на кушетку рядом с Фан Юньсюанем.

— Эй! Ты хочешь раздавить меня?! — яростно прошипел Фан Юньсюань. Кушетка была просторной, но не настолько, чтобы двоим мужчинам было удобно лежать на ней вместе.

— Сплю я, — пробормотал Лань Чжуй. — Чтобы ухаживать за тобой, я всю ночь глаз не сомкнул. — С этими словами он обвинил рукой талию Юньсюаня, а ногой придавил его ноги, чтобы тот не скинул его на пол. — Дай хоть прижаться, боюсь упасть.

После этого, как бы Фан Юньсюань ни ругался, Лань Чжуй не открыл глаз. С той самой улыбкой, от которой у Юньсюаня зубы сводило, он вскоре захрапел.

Юньсюань буравил взглядом его красивое лицо, скрежеща зубами...

Они пробыли в Цзиньлине всего день и отправились обратно в Крепость семьи Фан. Лань Чжуй всё еще не мог забыть гибель охранников из Эскортного агентства Ци Юань, всю дорогу был молчалив и угрюм, в то время как Фан Юньсюань, наоборот, сиял от радости.

— Эй, впереди небольшой городок, давай сегодня остановимся там?

Они скакали весь день, и Лань Чжуй, хоть и хотел поскорее вернуться, помнил о ранах Юньсюаня. Глядя на его уставшее лицо, он невольно почувствовал жалость и кивнул.

Городок был оживленным, несмотря на то что уже стемнело. Толпы людей не редели. Фан Юньсюань, видимо, часто бывавший здесь, уверенно повел Лань Чжуня в роскошную усадьбу. На первый взгляд она походила на ресторан: зал был полон мужчин и женщин, тихие разговоры, аромат вина и благовоний витали в воздухе.

Едва Фан Юньсюань переступил порог, к нему с кокетливой улыбкой подбежала накрашенная женщина:

— О, не молодой ли господин Фан? Как же давно вас не было, наши девушки заждались!

— В крепости дел невпроворот, вот, выкроил время навестить вас! — Лань Чжунь помрачнел, наблюдая за их притворным обменом любезностями.

— А, точно, — Юньсюань вспомнил о Лань Чжуне. — Мы с другом весь день в пути. Как обычно: сначала накройте стол, а потом пусть придут Цю Лин и Цю Юй, пусть прислуживают.

Хозяйка расплылась в улыбке, глядя на Фан Юньсюаня так, будто он был слитком золота:

— Конечно-конечно! Господа, прошу на второй этаж! Цю Лин, Цю Юй, выходите скорее, посмотрите, кто пришел!

Их проводили в отдельную комнату на втором этаже, и вскоре стол ломился от изысканных блюд. Фан Юньсюань только поднял палочки, как дверь снова отворилась.

Две нарядные красавицы с кокетливыми улыбками вошли в комнату и уселись по обе стороны от Фан Юньсюаня на его колени:

— Молодой господин Фан, как же вы долго! Мы так скучали!

Фан Юньсюань был в прекрасном настроении, он даже забыл про еду, начав заигрывать с девушками.

Лицо Лань Чжуня становилось всё мрачнее, в груди закипала злость. Видя, как женские руки нагло блуждают по груди Юньсюаня, он почувствовал порыв схватить саблю и отрубить эти руки.

Юньсюань подмигнул сидевшей на левом колене Цю Юй, и та, поняв намек, пересела к Лань Чжуню:

— Я Цю Юй. Господин, как вас величать?

Лань Чжунь, сверкая яростными глазами, уставился на Фан Юньсюаня, который улыбался ему. Цю Юй, видя, что гость не обращает на нее внимания, с улыбкой подняла бокал:

— Почему вы такой хмурый? Разве не за весельем вы пришли? Выпейте с Цю Юй, а когда

насытитесь, я позабочусь, чтобы вам было хорошо.

Лань Чжуй, услышав ее слова, окончательно вышел из себя. Он оттолкнул предложенный бокал, вскочил и, пнув дверь, вышел прочь.

Фан Юньсюань довольно улыбнулся и, не обращая внимания на испуганную Цю Юй, бросился следом. На лестнице он догнал пышущего гневом Лань Чжуя и схватил его за руку:

— Я со всей душой привел тебя развлечься, чего ты бесишься?

Лань Чжуй стряхнул его руку и, увидев торжествующую улыбку на его губах, едва не загорелся от ярости:

— Фан Юньсюань, ты привел меня в бордель!

— И что тут такого? Какой мужчина сюда не заглядывает? — он усмехнулся. — Или ты здесь впервые?

— Ты! — Лань Чжуй глубоко вздохнул и продолжил спускаться.

Действительно, какой мужчина здесь не бывал? Сам он с шестнадцати лет был частым гостем в покоях известных красавиц Яньцзина, но потом, чтобы сосредоточиться на культивации, он умерил свои желания... Его злило не это. Его злило то, что человеком, приведшим его в бордель, был Фан Юньсюань, которого он так хотел баловать!

Он вдруг остановился, испугавшись собственной мысли.

Фан Юньсюань, не ожидавший, что тот остановится, врезался ему в спину:

— Ты чего злишься?

Лань Чжуй обернулся, в сердце бушевала буря, но на лице он постарался сохранить спокойствие:

— Возвращайся, я поищу постоянный двор.

— Слишком много хлопот! — возмутился Юньсюань. — Эх, ладно. Не ищи ничего. Пошли обратно есть. Я выгоню их, и мы просто спокойно поспим, идет?

Не дожидаясь ответа, он потянул его за собой вверх:

— Не ворчи, я с голоду умираю. Никогда таких мужчин не видел.

Лань Чжуй шел следом, не в силах отвести взгляд от его тонких пальцев, гладких и белых, как нефрит...

— Ты часто здесь бываешь? — за столом остались только они двое, и Лань Чжуй, закончив есть, решил спросить.

— Время от времени, когда есть свободная минута. — Юньсюань действительно проголодался, поэтому не заботился об этикете, поглощая еду.

— У тебя ведь есть невеста? — Лань Чжуй наблюдал, как тот чистит креветку и, съев её, удовлетворенно облизывает пальцы. В горле вдруг пересохло, он неловко взял чайную чашку и опустил взгляд.

Юньсюань усмехнулся:

— Это ведь общая тайна всех мужчин, не так ли?

Лань Чжуй вдруг осознал: Фан Юньсюань никогда не скрывает перед ним свои несовершенства. При людях Фан Юньсюань всегда ведет себя как учтивый и утонченный ученый, и только с ним он становится расслабленным и диким.

Значит ли это... что он для него особенный?

В этот момент Фан Юньсюань уже клевал носом, уронив голову на стол.

Лань Чжуй осторожно перенес его на широкую кровать и позвал прислугу убрать со стола:

— Приготовьте мне еще одну комнату.

— Господин, прошу прощения, мест нет, — извинялась хозяйка. — Видите ли, вы всё равно не воспользовались услугами девушек, может, поделите одну комнату? Проявите великодушие!

Раз уж так вышло, Лань Чжуй ничего не оставалось, как согласиться. Слуги убрали стол и тихо прикрыли дверь.

Лань Чжуй медленно подошел к кровати. Юньсюань спал безмятежным сном, совершенно беззащитный. Кровать была огромной, здесь поместилось бы четверо, не то что двое. Но он...

Он сел рядом с Юньсюанем, глядя на его невинное лицо, и сердце забилося в бешеном ритме.

Он знал это чувство. Когда ему было шестнадцать, на день рождения императора во дворец пригласили известнейшую куртизанку Шэнь Жуши. Впервые увидев её, он почувствовал то же

самое, но сейчас... было что-то иначе. К Шэнь Жуши он испытывал лишь желание обладать, но никогда не хотел баловать её.

Его широкая ладонь сама потянулась к лицу Юньсюаня, движения были нежными, чтобы не потревожить сон. С каких пор он начал испытывать недозволенные чувства к мужчине?

Хотя Фан Юньсюань и был статен, мог ли он сравниться с красотой первой красавицы Поднебесной? И всё же сейчас, глядя на эти ярко-красные губы, Лань Чжуй ощутил безумное желание попробовать их на вкус!

Он тряхнул головой, отдернул руку и поспешил отстраниться, боясь совершить что-то непоправимое в порыве чувств.

Но стоило ему подняться, как Фан Юньсюань схватил его за руку:

— Ты почему еще не спишь?

<http://bllate.org/book/21134/2143993>